

vampire детектив

ЕЛЕНА
ЛОГУНОВА

МОЯ ВЕЧНАЯ
ЖИЗНЬ

Vampire детектив

Елена Логунова

Моя вечная жизнь

«ЭКСМО»

2010

Логунова Е. И.

Моя вечная жизнь / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2010 — (Vampire детектив)

Писательница Анна Ливанова уже слышала о подобных случаях: некто убивал молодых девушек во время любовных свиданий, выпивая из них молодость и превращая в дряхлых старух. Это случалось каждый год в один и тот же день весеннего равноденствия. Вампир искал своих жертв на молодежных фестивалях, и Анна, вычислив место следующего преступления, отправилась на карнавал в небольшой немецкий городок, расположенный на окраине Черного Леса – мистического края страшных сказок и легенд. Анна не сомневалась, что найдет и остановит убийцу, ведь она сама обладает необыкновенным даром...

© Логунова Е. И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	17
5	24
6	29
7	33
8	36
9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Логунова

Моя вечная жизнь

Ствол и ветви старого грушевого дерева были похожи на черный бархат, словно их выкроили из того же материала, что и мой вечерний пиджак. Вот и все, что показалось мне хоть сколько-нибудь знакомым. Эту невероятной красоты цветущую грушу я никогда раньше не видела.

Небо, куполом нависающее над деревом, как само оно – надо мной, было ярко-голубым.

Цветы, облепившие ветки, напоминали шелковые лоскутки.

Пчелы, беспрерывно снующие над ними, растянулись частой золотой сеткой, и не было еще в моей жизни зрелища прекраснее!

Так я думала до того момента, пока надо мной не склонилось знакомое лицо. Глаза на нем были ярче, чем небо, а голос, назвавший меня по имени, показался нежнее бархата.

И то, что имя это вовсе не «Анна», не имело никакого значения.

Пальцы мои заплутали в густой шерсти некошеной травы. Выпутывая их, чтобы обнять любимого, я потеряла пару тяжелых колец, и это тоже ничего не значило. Все, ради чего стоит жить, было со мной и во мне.

Я блаженно зажмурилась, но тут же услышала повелительное:

– Смотри мне в глаза! – и послушно разлепила ресницы.

Чистейшей, небесной, ангельской голубизны глаза с неодолимой силой затягивали в себя мой взгляд, мою любовь и мою жизнь. Лицо надо мной менялось, переставая быть знакомым и делаясь незабываемым.

– Даниэль! – хрипло выдохнула я и умерла счастливой.

1

Запущенной и неухоженной эта могила не была, на том же кладбище я видела совершенно заброшенные захоронения. У полуразвалившейся часовни вообще лежала груда древних костей, непочтительно и небрежно прикрытая черным полиэтиленом. Кладбищу было лет сто, как минимум, и вновь прибывшие на вечное поселение активно теснили старожилов.

Могила имела очень скромный вид: небольшой прямоугольник дерна с мраморным кубиком посередине. На камне – только дата смерти. Но зеленая лужайка была ровной, как танцплощадка лесных фей, без сорняков, и аккуратно – щетинка к щетинке – подстрижена, а камень сиял белизной, точно его недавно почистили с моющим средством. Поэтому выглядело все вполне пристойно, но как-то формально. Сразу чувствовалось: здесь никто никогда не плакал. Во всяком случае, до моего появления.

Да и я не рыдала, не буду врать. Прослезилась – это правда, но и только. Не было у меня ощущения, что Даниэль навеки остался здесь, в этой желтовато-серой сухой земле, на старом кладбище, выползающем из глубокой лощины высоко на склон холма, где от буйного субтропического леса осталась одна узкая полоса деревьев вдоль гребня. С него склон, утыканный мясистыми колючими кактусами, круто падал на скоростное шоссе в берегах из кубических цементных глыб – слегка приглушенный шум автострады слышался и на погосте. Доверительно поговорить с усопшим, возникни у меня такое желание, вряд ли получилось бы.

Чувствуя себя несколько глупо, я открыла сумку и глубоко погрузила руку внутрь.

Пятьдесят самых лучших красных роз – крупных, на длинных стеблях, – я купила поутру на знаменитом цветочном рынке Ниццы на бульваре Кур Салейя. Благоуханные лепестки еще пару часов назад были скручены в тугие бутоны и еще не утратили свежести. Они были прохладными и шелковистыми. Я зачерпнула их полной горстью и выплеснула алую массу к основанию могильного камня, а потом рассеяла остальные над зеленым прямоугольником.

– О!

Громкий возглас, исполненный неподдельного изумления, заставил меня обернуться.

У поворота тропинки застыла молодая, на вид – не старше меня, особа в наряде, который даже отдаленно не мог сойти за чинный полутраур. Девушка была в мешковатых джинсовых штанах со множеством карманов, толстовке с аппликацией и пухлых кедах. В руках у нее был модный журнал.

– О, пардон, мадам!

Сообразив, что она мне, должно быть, помешала, барышня круто развернулась и затопала прочь. Я деловито вытряхнула из сумки на могилу остатки розовых лепестков, пробормотала, сама себя смущаясь:

– В общем, покойся тут с миром! – и последовала за девушкой.

Та ни разу не оглянулась, поэтому ни о чем не подозревала и даже не подумала убавить громкость, взволнованно загомонив:

– Дед, ты слышишь, дед? Там, на могиле Любострастного Старца, така-ая дамочка – просто шик!

Я с интересом прислушалась.

– Дед, у нее шоколадное шелковое платье по фигуре, с вырезом лодочкой и рукавом три четверти, бусы из хрусталя, лакированные розовые балетки и коричневая сумка «Луи Вьюттон» с тиснением монограммой и розовыми ручками! А в сумке за триста евро, дед, ты не поверишь, целая куча розовых лепестков, и она прямо сейчас заваливает ими ту самую могилу!

– Софи...

Пожилый мужчина в потрепанном джинсовом комбинезоне садовника растерянно смотрел на меня поверх плеча возбужденно подпрыгивающей девушки.

– Прошу прощения, – пробормотала я, поправив на плече пресловутую сумку. – Я там уже закончила.

Болтушка Софи подпрыгнула и развернулась в воздухе. Глаза у нее сделались круглые, как вишни, а щеки такие же красные.

– И это не хрусталь, а розовый оникс, – объяснила я про свои бусы, чтобы хоть что-то сказать.

– О, пардон...

– Пардон, мадам!

– Не стоит извинений, – я улыбнулась и приблизилась к собеседникам. – Мсье, я полагаю, вы смотритель этого кладбища?

– Дедушку зовут Пьер, а я Софи! – ответила бойкая внучка.

– Очень приятно, – я расстегнула вторую сумочку.

Она была маленькой и потому востроглазая Софи ее не заметила.

– Мсье Пьер, могу я попросить вас продолжать ухаживать за той могилой и иногда приносить на нее цветы?

– Конечно, я и так это делаю! – старик попытался отвести мою руку с денежной купюрой.

– Так мне будет спокойнее, – я с настойчивостью вложила бумажку ему в кулак. – Большое спасибо. Всего вам доброго.

– Постойте, мадам! – девчонка побежала за мной. – Скажите, а вы ему кто? Любострастному Старцу? Родственница, знакомая или просто так? Как его звали, где он жил, и кто тот парень, с которым...

– Как много вопросов, Софи! – я неохотно остановилась и снова полезла в маленькую сумочку. – И на них у меня для вас есть только один ответ. Вот.

Я протянула ей двадцатку.

– Такой ответ вас устроит?

– Мне не нужны деньги! – девчонка возмутилась и с усилием отвела взгляд от купюры.

– А мне не нужны проблемы, – сказала я и сняла с шеи бусы. – Возьмите, это вам. Просто как сувенир, они недорогие.

Это была неправда, но мне не было жаль безделушки. Подумаешь, оникс! Благодаря Даниэлю в моем распоряжении оказались драгоценности княжеского рода Радзивиллов.

– О, спасибо...

Софи застыла, как вкопанная, восторженно и недоверчиво созерцая гирлянду из полупрозрачных бледно-розовых шариков. Через пару минут, уже с расстояния в полсотни метров, я оглянулась и увидела барышню все в той же позе.

Не знаю, какой бес меня толкнул: неожиданно для себя самой я громко позвала:

– Софи!

– Да, мадам?

Девчонка вздрогнула, и на лице ее отразилось разочарование: наверное, глупышка решила, что я передумала ее одаривать.

– Пожалуйста, не называйте его больше Любострастным Старцем, Софи! Его звали Даниэль!

– Даниэль, – как зачарованная, повторила она.

– Даниэль.

Что-то ласково коснулась моей щеки. Я подняла руку и поймала, как бабочку, нежный розовый лепесток.

Водителя такси, которое ожидало меня в тени магнолии на подъезде к кладбищу, моя солнечная улыбка заметно удивила, но от вопросов он удержался и только всю дорогу до Жуанле-Пена заинтересованно посматривал на меня в зеркальце заднего вида.

Я чувствовала тихую радость и удивительное благодное умиротворение, которые, впрочем, не удержали меня от падения в бездну порока. На ночь глядя я завалилась в самый дорогой ночной клуб Ниццы с твердым намерением подарить себе забвение хотя бы до утра.

Твердостью и величием мои намерения бывают сопоставимы с тем айсбергом, который потопил «Титаник». И в данном случае тоже не обошлось без жертв.

2

Тео сказал, что девчонка придет именно в этот день, потому что она заранее предупредила дирекцию банка о своем визите.

– Деловая! – с усмешкой сказал Тео.

– А я люблю деловых!

Макс ухмыльнулся и посигналил бармену, требуя повторить заказ.

Тео заслужил добрую выпивку, и Макс приготовился оставить в баре немалую сумму. Экономить на стадии подготовки нового проекта, как он это про себя называл, было бы глупо и неразумно. Как игрок Макс хорошо знал, что только крупная ставка может принести фантастический куш. Макс уже надоело размениваться по мелочам! Он чувствовал, что зря тратит время и силы. Пора порвать с бурным прошлым и обеспечить себе спокойное будущее! Тридцать пять лет – хороший возраст, чтобы остепениться.

Тридцать четыре года тоже подходили, но тогда Максимилиана подвела Аделаида. Уго-раздло же старую дуру разбиться за месяц до свадьбы!

Вспоминая то утро, когда ему сообщили о том, что серебристый «Бентли» его невесты сорвался в пропасть с горного серпантина под Ниццей, Макс до сих пор скрипел зубами от ярости: не будь Аделаида такой идиоткой, сейчас он был бы уже богатым мужем! А может быть, даже вдовцом. Не могла подождать с уходом на тот свет всего пару месяцев, дура старая...

– А чем... п-по-твоему... хороши деловы-йе? – икнув, поинтересовался Тео.

Язык у него уже заплетался, ноги тоже. Белый воротничок, что с него взять!

Переглянувшись с барменом, Макс жестом отказался от новой порции водки и приобрел захмелевшего приятеля, заботливо удерживая его от падения с высокого табурета. Утро завтрашнего дня Тео должен был встретить в полной кондиции и с неповрежденным лицом. С расквашенной физиономией ему не позволят остаться в операционном зале, отпугивая клиентов!

– Ну, так чем же? – пьяный Тео жаждал откровений.

Максимилиан снова ухмыльнулся. В его персональной классификации доступных дамочек «деловые» занимали вторую позицию после восторженных старых дев, чьи оледеневшие, как свежемороженая клубника, сердечки таяли и истекали сладким соком от одного жаркого признания. Деловые, по опыту Макса, немногим сложнее в обработке. Внутренне измученные неестественным для женщины сухим, неэмоциональным и жестким стилем общения, характерным для бизнеса, такие дамочки поначалу бывали колючими и твердыми, но первая же пробоина в их доспехах позволяла нащупать внутри существо мягкое, нежное и беззащитное, как моллюск. А Максимилиан очень любил моллюсков. Они такие вкусные!

– Л-лично мне деловые не нравятся! – капризно промолчал Тео, скривив лицо, как ребенок при виде нелюбимой еды.

– Да и ты им не очень-то симпатичен, так? – Макс сочувственно похлопал приятеля по плечу, осторожно ссаживая его с табурета. – Пойдем, дружище, тебе пора в кроватку!

– Опя-ать одному! – расхныкался Тео.

Бизнес-вумен его не то чтобы не любили – просто не замечали. На уходящей в головокружительную высоту карьерной лестнице финансиста Тео давно и надолго приклеился к малопрестижной ступеньке в середине первого лестничного марша, а за пределами банка он и вовсе становился незаметным, как человек-невидимка. У Тео была приятная, но абсолютно незапоминающаяся внешность: он стал бы идеальным манекеном в витрине магазина одежды для офиса.

Совсем другое дело – роскошный Макс, Максимилиан Торн с первого взгляда производил неизгладимое впечатление как на женщин, так и на мужчин. Причем дамы замирали от

восторга, а джентльмены застывали в боевой стойке: эффектное сочетание мужественной красоты, дерзкого взгляда, хищной улыбки и звериной грации, отличающее Макса, выдавали в нем опаснейшего соперника.

Впрочем, лютый тигр умел при необходимости прикинуться ласковым котиком.

– Ну почему? – тоскливо вопрошал пьяный Тео, пока Макс на широких плечах волок его по пустынному ночному городу в пансион. – Почему тебя все они любят, а меня – нет? Чем я хуже?

– Ничем, – сквозь зубы выдавил из себя Макс.

Ему уже надоела роль грузчика. Он, пожалуй, оставил бы пьяного друга ночевать в одной из пышных клумб городского сада, но Тео еще должен был завтра отработать свою сегодняшнюю выпивку, а для этого необходимо довести его до кровати. И еще завести будильник на семь утра, чтобы этот олух вовремя проснулся и успел привести себя в порядок к началу рабочего дня. Максимилиан знал, что в Банке Лугано очень строгая кадровая политика. Явись Тео на службу небритым или в несвежем костюме – уволят в два счета!

– Только не завтра! – пробормотал Макс и поудобнее подхватил оседающее тело Тео.

Завтрашний день в персональном календаре Максимилиана Торна был отмечен красным цветом, и Макс не мог допустить, чтобы кто-то или что-то испортило ему торжество.

3

Итак, я опять разбила кому-то сердце!

Впрочем, поутру, когда это выяснилось, меня заботило совсем другое. Я здорово проспала, и это могло серьезно нарушить мои дальнейшие планы.

– Ты что, в самом деле ничего не помнишь? Совсем ничего?!

Судя по тону, мужчина был оскорблен в лучших чувствах. Я иронично покосилась на него и молча пожала плечами. Шпилька, которую я держала во рту, позволяла мне дипломатично отмолчаться.

– Это была такая ночь... Т-такая! – он был так раздосадован и сердит, что пропускал слова и заикался. – Ведь я же... А ты!

Я ловко вонзила шпильку в узел волос на затылке, улыбнулась и подтвердила:

– А я ничего не помню! Извини. Не надо было мешать абсент с шампанским.

Мой бархатный пиджак лежал на полу, как свернувшаяся клубком черная кошка. Я наклонилась, подняла его, встряхнула и решила не надевать. День предстоял жаркий: солнце уже лупило в иллюминатор, превращая его в прожектор.

Я забросила на плечо сумку, пристроила на нее свернутый пиджак, чтобы оставались свободными руки, и небрежно обняла мужчину за плечи. Они вздрагивали – бедняга кипел от возмущения.

– Всего тебе хорошего, счастливо оставаться, пока! – я чмокнула его в щеку и заторопилась.

– И ты уходишь вот так? – он пошел за мной. – После всего, что между нами было?!

– Послушай, дорогой!

Я остановилась и обернулась так резко, что шпилька из моей прически вылетела стрелой и волосы рассыпались по плечам:

– Я не помню подробностей того, что было между нами этой ночью, и именно это позволяет мне думать, что ничего особенного не было! Уж извини, но я ухожу, мне пора.

– И... – он надул губы, как обиженный ребенок.

– И если среди того, о чем я забыла, не было обряда бракосочетания, то ты не вправе меня задерживать! – чуть мягче закончила я и еще раз поцеловала его – в другую щеку. – Пока!

На палубе свежо и солнечно. Я пожалела, что не взяла черные очки – вчера вечером, собираясь в ночной клуб, не подумала, что понадобятся.

– Доброе утро, мадам! – дополнительно ослепив меня улыбкой, прокричал общительный малый с соседней яхты.

Я его толком не рассмотрела.

– Бон жур!

Мучительно щурясь, я приветливо помахала ручкой, кое-как сориентировалась и зашагала к пирсу.

Высоченные каблуки вечерних босоножек страшно грохотали по палубе, сопровождая каждый шаг барабанным боем. Я обрадовалась, когда добралась до причала: по бетону каблуки не гревели, и в мире стало заметно тише. Я даже расслышала молящий голос за спиной:

– Оставь хотя бы свой телефон! Пожалуйста, Анна!

– вспомнить бы, как тебя зовут-то, – досадливо прошептала я себе под нос и обернулась с сияющей улыбкой. – Не волнуйся, у меня есть твоя карточка, я позвоню!

– Нет, Анна, постой! – палуба снова загремела африканским тамтамом. – Неужели мы так и расстанемся? И это после всего, что между нами было?!

– О Боже! Опять! – выдохнула я и максимально ускорила шаг. – Такси! Такси, такси!

Никакое это не такси, просто машина, очевидно, ночевавшая на многорядной парковке Вобана – самого большого на Лазурном Берегу порта приписки лучших в мире яхт. Большие и маленькие, они тесными рядами стояли в гавани, и с некоторых из них уже выглянули на шум яхтсмены и яхтсвумены. Я почувствовала себя клоунессой – такая Коломбина в броском не по времени наряде. Или, точнее, Мальвина, убегающая от Карабаса!

На мое счастье, водитель авто оказался галантным господином, всегда готовым помочь девушке, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. Машина, вильнув, остановилась рядом со мной, передняя дверца справа гостеприимно открылась, донесся веселый смех и голос рыцаря:

– Садитесь, мадам, я умчу вас от этого варвара!

– Гран мерси!

Я поспешно шлепнулась на сиденье, втянула ноги в салон и захлопнула дверцу. Машина рванула с места, как на гонках. Мой безымянный ночной приятель, едва успевший дотянуться до капота, чуть не упал.

– Надеюсь, он вам не муж? – поглядев в зеркало заднего вида, дрожащим от смеха голосом спросил мой спаситель.

– Надеюсь, что нет, – пробормотала я.

– Вы говорите об этом без уверенности, – насмешливо покосился на меня водитель.

– Вы когда-нибудь пили коктейль из абсента с шампанским? – спросила я вместо ответа.

– О! – он весело рассмеялся. – Отважная девушка!

Я пожалала плечами и обернулась. Карабас, от которого я так эффектно сбежала, понуро сидел на причальной банке, бессильно свесив руки между колен. Многорядный частокол мачт, блистающая морская гладь и внушительного вида старинный замок с мощными серо-желтыми бастиями, вырастающими из коричневой скалы, образовали эффектный фон для его трагической фигуры. Мой безымянный ночной друг походил на пирата, потерпевшего сокрушительную неудачу при попытке штурма неприступной крепости.

– Отважная и бессовестная, – прошептала я со вздохом.

Того парня, кто бы он ни был, стало жалко. Кажется, с вечера я не предупредила его, что поутру растаю, как белый парус в морской дали. Я еще раз вздохнула и полезла в свою сумочку, чтобы найти в ней визитку, которую он дал мне в ночном клубе. Может, настолько расчувствуюсь, что и в самом деле ему позвоню!

– Куда вас отвезти, мадам?

Я захлопнула сумочку и посмотрела на дорогу. Машина ехала так быстро, что до развилки осталось всего метров двести. Если мой спаситель держит путь в Жуан-ле-Пен, Канны или дальше – в Марсель, то нам с ним не по пути.

– Мне нужно направо, в Ниццу, – объявила я.

– Значит, мы попутчики, – как мне показалось, с удовольствием, констатировал водитель. – Тогда давайте знакомиться! Я Рэй.

– Анна, – кивнула я, хотя вовсе не считала, что нам обязательно нужно познакомиться.

– Вы не французенка, – догадался он.

– Нет, я иностранка, – я повернула голову и посмотрела любопытному в глаза. – И в Ницце мне нужно в аэропорт. Сегодня я улетаю.

– Как жаль! – это прозвучало вполне искренне и положило конец назревавшему перспективному знакомству.

Через двадцать минут Рэй высадил меня у здания аэровокзала. Поблагодарив доброго человека – от денег он отказался, – я пожелала ему счастливого пути, куда бы он ни вел, и шагнула с июньского солнцепека в приятную прохладу кондиционированного зала.

По твердому покрытию пола злополучные каблуки гремели со звоном, словно я топала в сапогах со шпорами! На меня оглядывались и даже засматривались. Представление продолжалось.

– Выброшу при первой возможности! – сердитым шепотом пообещала я проклятой обуви и ускорила шаг.

Регистрация на рейс «Ал-Италия» Ницца – Милан уже началась. Я не обманывала того парня с яхты, когда сказала, что очень спешу.

Я соврала ему, когда сказала, что ничего не помню.

Я прекрасно помнила свой сон.

Синий день, цветущая груша, мягкое ложе в травяных зарослях, тяжесть мужского тела и повелительный шепот – это все было не мое, не из моей жизни! И лица Даниэля таким – лучезарным, торжествующим, убийственно прекрасным – я никогда не видела. В моей истории все было наоборот: сияющий лазурный взгляд погас, гладкое юное лицо сморщилось и застыло жуткой маской, сочный голос высох и выдохся хрипом.

В моей истории Даниэль умер, а я забрала себе его жизнь и стала на двадцать пять лет моложе [Подробнее читайте об этом в романе Е. Логуновой «Вкус заката»]. Примерно на двадцать пять – о полной точности с этой метафизикой говорить не приходится.

Мой друг Даниэль был сексуальным вампиром – так я для простоты и понятности называю про себя таких, как мы. Вампы. Вслух, а также для красоты и романтичности, говорю о нас «Алые Ангелы». Именно «о нас», а не «о себе», потому что факты, обнаруженные мной другом Павлом (не вампиром и отнюдь не ангелом, с какой стороны ни посмотреть), уверенно свидетельствуют: в мире есть еще, как минимум, несколько человек, способных убивать любовью.

Я не знаю, как долго это продолжается и как давно началось. Это может сказать лишь тот, чей жизненный путь жутким образом напоминает спортивную эстафету: каждый новый этап начинается с передачи факела, но вместо символического огня он забирает себе чью-то молодую жизнь – и это может продолжаться вечно... Если только предел череды смертей, отмечающих Его бесконечный путь, не положит другой Алый Ангел.

Наверняка можно сказать, что это может быть только женщина. Женщина-вамп не в переносном смысле, а в буквальном. Особенная женщина, отмеченная той же самой печатью – не скажу «дьявольской», потому что не думаю, что древняя могучая сила, изначально присутствующая в каждом из нас, является чистым злом. Она не проклятие и не благословение – просто великая природная мощь, которая, как магия, творит и добро, и зло. Результат применения – в большой степени вопрос личного выбора.

К сожалению, у жертвы никакого выбора нет. С того момента, когда она вовлечена в магический периметр постели, ее судьба решена. Алый Ангел убьет ее, иначе быть не может. Это, конечно, ужасно... Но и прекрасно!

Я могу привести несколько аргументов в защиту Алого Ангела (по понятным причинам, я заинтересована в оправдании). Во-первых, жертва всегда вступает в контакт добровольно, охотно и радостно, следуя собственному желанию и обоюдной симпатии, а то и любви. Конечно, она не знает, что ее ждет. А если б знала? Может, все равно решила бы, что сказочная ночь с Алым Ангелом стоит дороже, чем долгая серая жизнь?

Я задумалась и не обратила внимания на обращенные ко мне слова. Служащий вынужден был повторить:

– Мадам, простите, но вам придется снять обувь!

Виновато улыбаясь, сотрудник службы безопасности указывал на мои вечерние босножки.

Я с трудом сдержала стон. О чем я думала, покупая эту обувь?!

– Да уж, конечно, не о том, каково в них будет бежать от мужчин! – ехидно ответил мой внутренний голос. – Скорее, наоборот!

Это было справедливое замечание, и оно меня разозлило. Впрочем, злость – это как раз обычная человеческая реакция на справедливые упреки.

– Конечно, это ведь очень опасная обувь! В таких каблуках запросто можно спрятать пару стилетов! – радостно хмыкнул мужчина, стоящий в очереди за мной.

Я покосилась на него – уже в тихом бешенстве – ах, вам хочется зрелища? Прекрасно, вы его получите.

Я молча разулась, с грохотом бухнула босоножки в пластиковый контейнер, где уже лежала моя сумка, и величественно сбросила с плеч прямо на ленту транспортера бархатный пиджак. Под трикотажным платьем, которое было на мне, спрятать хоть что-либо не представлялось возможным, к тому же я даже белья не надела, только чулки. Наглец в очереди за мной одобрительно присвистнул, сотрудник службы безопасности стыдливо спрятал глаза, а гестаповского вида дама в форме охраны и белых перчатках даже не потянулась меня ощупать. В самом деле, зачем?

С высоко поднятой головой я прошла кордон и, оказавшись в зоне дьюти фри, первым делом купила в единственном имеющемся магазине одежды огорчительно дорогие джинсы и футболку. Бархатный пиджак прекрасно подходил и к ним, а от провокационных босоножек мне избавиться, увы, не удалось: магазина обуви в зоне беспошлинной торговли аэропорта Ниццы не имелось.

Мой чемодан остался в отеле, куда я уже не успевала вернуться после затянувшейся ночевки на яхте в Вобане. Меня это не слишком беспокоило: вещи, которые я оставила в номере, и счет, который еще не оплатила, пришлют, куда попрошу. Наоборот, я даже порадовалась: сам собой возник прекрасный повод обновить гардероб! И как удачно, что я лечу именно в столицу моды – Милан!

– Ты не летишь в Милан, ты прилетаешь в миланский аэропорт, а это большая разница! – напомнил внутренний голос.

Это было еще одно справедливое замечание.

Мальпенса, крупнейший международный аэропорт Северной Италии, связанный регулярными рейсами с большинством стран мира, находится в полчаса езды от Милана – это если на север. А если на юг, как это и собиралась сделать я, то через полчаса окажешься в Лугано – маленьком космополитичном городке, который является центром самого южного швейцарского кантона Тичино.

Это настоящий город-сад, который называют и «солнечной прихожей Швейцарии», и «европейским Рио-де-Жанейро», и даже «бриллиантом итальянской Швейцарии».

В IX веке Лугано был бойким торговым городком, в эпоху Средневековья стал одним из центров борьбы гвельфов и гибеллинов, в 1434 году перешел к Миланскому герцогству, в 1512 году в ходе Итальянских войн был отдан Швейцарскому союзу, но по духу остался итальянским навсегда.

Общая история и территориальная близость к Италии отчетливо проявились в архитектуре, быте и языке Лугано. Характер города и окрестностей чисто итальянский – именно этим я объясняю выбор Даниэля, который долго-долго (дольше, чем можно себе представить) был клиентом Банка Лугано. Хотя я до сих пор не знаю – и уже, наверное, никогда не узнаю – из какого места и времени был родом Даниэль. Его незабываемые рассказы позволяют мне думать, что мой дорогой друг отнюдь не случайно особенно хорошо знал и любил историю средневековых государств Средиземноморья.

Лугано расположен между двумя горами, их скалы спускаются прямо к озерной глади. Черезио – одно из самых чарующих озер альпийской панорамы. Я слышала, что в августе вода здесь прогревается до двадцати четырех градусов тепла! Правда, случая проверить у меня еще не было: в прошлом году я приезжала в Лугано в апреле, в этом – еще раньше, во второй половине марта.

– И вновь в одиночестве! – с легкой горечью заметил мой внутренний голос.

Я только вздохнула. Все говорило за то, что одиночество мне предстоит бескрайнее, как море, и я только-только пустилась в нескончаемое плавание. Сравнение с белым парусом, исчезающим за горизонтом, родилось неслучайно.

Однако в самолете я была отнюдь не одна – мне напомнил об этом смущенный голос справа:

– Вы не боитесь летать?

Мужчина в соседнем кресле смотрел на меня тревожно, как потерявшийся ребенок, во избежание громогласного рева остро нуждающийся в немедленном утешении.

– Я – нет, – я подарила ему светлую улыбку доброй мамочки. – И вам не советую.

– Да, да, я знаю статистику, согласно которой катастрофой заканчивается только один рейс из миллиона, но это не успокаивает, – возбужденно проговорил паникер. – Вдруг этим злосчастливым миллионным рейсом будет именно наш?!

– Друг мой, вы разве не знаете, что дурные мысли притягивают неприятности? – моя улыбка превратилась в усмешку. – Оставьте подсчет ваших шансов для лотереи!

– А вы отважная девушка! – восхитился сосед.

– Вы не первый, от кого я это слышу.

Я пожала плечами и отвернулась к окошку, давая понять, что считаю разговор оконченным.

– Ох, придется напиться! – сокрушенно пробормотал мой сосед и затих.

«Боинг» начал разбег по взлетной полосе. Я положила руки на подлокотники и закрыла глаза.

Взлет – это мое любимое! Когда самолет отрывается от земли и набирает высоту, я физически ощущаю это движение, меня отчетливо тянет вверх, и темнота под закрытыми веками из чернильной становится фиолетой, лиловой, красной – и, наконец, розово-золотой, цвета рассвета. Тогда я открываю глаза, чтобы увидеть небо, одно только бескрайнее небо, чистое, как бумага, которой еще не коснулось перо.

Это небо позволяет почувствовать и поверить, что все, что случилось до сих пор, было правильно, раз оно ничуть не испортило настоящий момент.

Мое сердце спокойно, моя совесть чиста, и в самолете я засыпаю крепко, как ребенок.

Вот только сны мне в последнее время частенько снятся чужие.

Спала я недолго и проснулась внезапно, как будто вынырнула из воды. Вода мне и снилась – темная, густая, как нефть. Она медленно, но неотступно прибывала, сантиметр за сантиметром поглощая крепостную стену из белого, как мел, тесаного камня. В тусклом свете бледного северного солнца, спеленутого серыми облаками, каменная кладка напоминала старое серебро с чернением на месте чеканно четких швов и стыков.

Чужой голос озвучил в моей голове не мои стихи:

Те, кто против, для нас не важны.
А те, кто важны, не против.
Каждый день мы на гребне стены,
Мы эту стену строим.

Мы отсекаем от жизни смерть,
И те, кто не с нами, трупы.
Верить не главное, главное – смель,
Именно это трудно.

Входят без пропуска в наши сны

Те, кто был с нами прежде...
Но утром мы снова на гребне стены.
Все, кто живой, на гребне!

Стена упорно росла вверх, и прибывающая вода никак не могла приблизиться к ее зубчатому краю. Там, безостановочно удлинняя белоснежные клыки выступов, работали бородастые каменщики в одеждах из сурового полотна и дубленой кожи, сновали, поднося рабочим кирпичи, простоволосые женщины и дети, стучали и звякали инструменты. А снизу, маслянисто блестя, подступало черное безмолвие, и тонущее в нем отражение бледного солнца пугало обещанием пусть не скорого, но неизбежного конца...

Я распахнула глаза и испытала чувство огромного облегчения, осознав, что нахожусь в другом мире.

Чужие сны бывают удивительно яркими и реальными. Может быть, это не совсем сны? Может, кусочки настоящей жизни – из моего будущего или из чужого прошлого? Я предполагаю, что видения могли перейти ко мне от Даниэля, а ему самому они достались от его собственных жертв. Такой удивительный побочный эффект, возникающий при жадном поглощении чужой жизни.

– Не хотите ли глоток вина? – удивительно в тему спросил меня назойливый сосед.

Я повернула голову и оценила обстановку.

Пока я спала, соседка разжился бутылкой красного и даже успел ее ополовинить. Это не сделало мужчину менее разговорчивым, но нервные интонации в голосе пропали. Теперь он был бодр, весел и смело протягивал мне прозрачный стаканчик.

– Вижу, вы заранее запаслись чистой посудой в расчете на то, что я составлю вам компанию, – отметила я.

– Да, – он не стал заперяться. – Знаете, есть вещи, которые просто противно делать в одиночестве!

– Очень хорошо знаю, – я тоже не стала заперяться.

– Например, пить вино, – закончил он и наклонил бутылку, чтобы наполнить мой стакан. – За приятный полет и мягкую посадку!

Мы сдвинули безголосые пластиковые стаканчики и выпили. Вино оказалось весьма посредственным, но я удержалась от критического замечания. Все равно ведь выбора не было: ближайший бар находился от нас в десяти километрах вниз по прямой.

– Вы летите в Милан? – сосед жаждал общения.

– А вы разве не туда же? Может, сойдете раньше? – я иронично прищурилась.

– Наоборот, продолжу путь. У меня дела в Швейцарии. По банковской части!

Это прозвучало очень напыщенно. Наверное, соседка надеялся произвести на меня впечатление. Боюсь, я здорово разочаровала его, когда безразлично отозвалась:

– Разумеется, какие же еще дела могут быть в Швейцарии? Только по банковской части.

Я нажатием кнопки опустила свое кресло и сказала:

– Еще раз приятного вам полета, а я постараюсь его проспять.

Ночь у меня, если верить тому парню с яхты и моим слипающимся глазам, была беспокойная, и перед началом новой главы в истории я должна как следует отдохнуть.

4

Предстояла встреча с мужчиной, который был моим любовником на протяжении нескольких дней, а точнее говоря, ночей больше года назад. Он живет, в основном, в Польше, я в России, а познакомились мы во Франции, и вся эта богатая география не пошла на пользу нашей истории.

Разъехавшись, мы переписывались, созванивались и периодически воссоединялись в мечтах, но случая воплотить фантазии все не представлялось. Не могу сказать, что это меня очень удручало. Как говорится, нет незаменимых мужчин! Желающих меня порадовать я в достаточном количестве нахожу и на родине, так что светлый образ Павла в галерее портретов небезразличных представителей противоположного пола занял почетное место в запаснике.

И вот когда эмоции годичной давности изрядно потускнели и выцвели, мы вдруг встречаемся не в области фантазий, а на твердой почве альпийских гор!

Признаюсь, я нервничала.

У каждого из нас свои недостатки. Я, например, не из тех, кто бережно хранит в своей памяти дела (как и тела) давно минувших дней. На мой взгляд, в выражении «личная жизнь» главное слово – жизнь, а бывшие романы тем и отличаются, что их просто не существует больше.

По моим наблюдениям, зачастую люди лелеют давние воспоминания не потому, что те дарят им непреходящую радость, а с тайной целью избавиться от внутренней неудовлетворенности тем, как все вышло. Ведь уже завершившуюся историю можно беспрепятственно шлифовать и ретушировать, постепенно превращая в идеальную картинку! Навести лаковый глянец на прошлое достаточно просто, тогда как с реальностью этот трюк не проходит.

Я живу настоящим, связываю определенные надежды с будущим и стараюсь вовсе не трогать прошлое – не анализировать и не поэтизировать. «Только не оглядывайся!» – один из моих руководящих принципов, я ему следую неукоснительно.

Оглядываться на ходу опасно – можно сбиться с дороги или споткнуться и упасть. А остановиться, чтобы оглянуться, – значит отстать от времени и выпасть из жизни.

Дети смотрят только вперед – и растут. А взрослые с какого-то момента начинают все чаще оглядываться назад – и стареют. Я думаю, что старым человек становится тогда, когда прошлое оказывается для него более реальным, значимым, интересным и насыщенным, чем будущее.

Остановился, оглянулся, засмотрелся, умер. Именно эту очевидную связь буквально иллюстрирует библейская история злосчастной жены Лота! Поэтому я стараюсь поменьше думать о том, что уже прошло. Персоны или события, чье воздействие на мой сегодняшний день иссякло, перестают для меня существовать. Воспоминания о них я либо выбрасываю за борт, либо наглухо изолирую, подобно тому, как на подводной лодке при аварии закрывают нежизнеспособные отсеки, чтобы оставаться на плаву и продолжать движение. Мне совершенно ясно: если прошлое меня не отпускает, значит, это еще не прошлое.

То, что началось чуть больше года назад, закончится для меня не скоро. Может быть, даже никогда не закончится. Но первый круг в этой игре я уже прошла и поднялась на следующий уровень в принципиально ином качестве.

– Что ж, начинаем новый тур! – бодрячком отозвался на эти мои мысли внутренний голос.

Самолет благополучно сел, и я прошла по рукаву в здание аэровокзала одной из первых: настроение было боевое, терять время не хотелось.

Не было и желания продолжить путь в компании назойливо общительного соседа. Не обращая внимания на его окрики, я быстро проследовала к стоянке такси и села в первую же машину.

– В Лугано, пожалуйста!

Я ведь тоже приехала в Швейцарию, в частности, по банковским делам.

Лугано – не только модный курорт, это еще и третий по величине финансовый центр Швейцарии. Здешние жители шутят, что в Лугано на тридцать тысяч населения приходится триста банков. Их здания, соперничающие в роскоши и импозантности, во многом определяют архитектурный облик города. Если это и преувеличение, то незначительное. Думаю, если суммировать клиентские базы, то полученный протяженный список посрамит своей содержательностью перепись населения большой страны.

Налоговая политика и банковский режим Швейцарии, гарантированные многочисленными международными договорами, создают немало возможностей, привлекательных для иностранных клиентов. Вести бизнес, открывать новые счета, регистрировать компании и управлять ими – в Швейцарии делать все это в высшей степени комфортно. А в том, что тактичность швейцарских банков не уступает их надежности, я убедилась на личном опыте.

Прошлой весной, слегка робея и волнуясь, я впервые вошла в белокаменный портал Коммерческого Банка Лугано. После залитой весенним светом улицы прохладный кондиционированный зал показался мне похожим на королевскую усыпальницу – с массивными мраморными стойками вместо гробниц и неподвижными фигурами вышколенных служащих вместо статуй безутешных плакальщиц.

При моем появлении сразу несколько сотрудников перестали играть в «Замри!» и с ускорением двинулись мне навстречу, сияя приветливыми улыбками. Форменные костюмчики на этих парнишках и девчонках были на заказ сшиты из отличной шерсти, на лацканах блестели чистым золотом корпоративные значки.

– Какого черта ты здесь делаешь? – струхнул мой внутренний голос, смущенный несоответствием моей собственной экипировки заявленному высокому стандарту.

Костюмчик на мне был симпатичный, модный и тщательно подогнанный по фигуре, но недорогой, а в качестве ювелирных украшений наличествовали несолидные серебряные «висюльки».

Все сильнее смущаясь, я вспомнила, что поутру в спешке пренебрегла духами, и ужаснулась при мысли о том, что левый чулок, уже в дороге слегка протершийся на носке, мог предательски пустить некрасивую стрелку по всей ноге.

– Добрый день, мадам! Чем могу быть вам полезен? – в высшей степени тактично переформулировал грубый вопрос моего внутреннего голоса милый юноша, подоспевший ко мне первым.

Я бросила быстрый взгляд на свою левую ногу, позорной стрелки не увидела и с облегчением отказалась от первой мысли – попросить капельку канцелярского клея для чулка. Впрочем, даже со второй попытки сформулировать свое желание в точности мне было трудно. Я предполагала, что в этом конкретном банке есть нечто, с недавних пор принадлежащее лично мне, но не была в этом уверена. Поэтому на любезный вопрос служащего я односложно ответила:

– Вот!

И продемонстрировала ключик, который дотеле судорожно сжимала в кулаке.

Этого оказалось достаточно. По всей видимости, я могла быть немой, глухой, слепой, парализованной и одетой в лохмотья, но наличие ключика с вытесненными на нем названием банка и четырехзначным номером, оказывается, гарантировало мне королевский прием!

Первым делом меня заверили, что Коммерческий Банк Лугано в лице всех присутствующих рад и счастлив видеть меня в своих беломраморных стенах. Затем меня заботливо усадили в мягкое кресло и угостили чашечкой кофе с пирожным, к которому у меня, весьма взыскательной лакомки, возникла всего одна претензия: оно было слишком маленьким.

Наконец, меня деликатно спросили, желаю ли я пополнить либо просто проверить содержимое моей банковской ячейки прямо сейчас – или же после того, как отдохну с дороги и выпью бокал шампанского с мсье директором.

– Ага! Так, значит, все же ячейка есть! – неслышный миру, возликовал мой внутренний голос.

– Проверю, – коротко (просто горло перехватило от такой трогательной заботы) ответила я.

Тогда меня бережно провели в некое внутреннее, полное ватной тишины, помещение за толстенной сдвижной дверью и оставили тет-а-тет с ячейкой, номер которой соответствовал цифрам на моем ключе.

И ведь даже ни документов, ни секретного слова не спросили! Милейшие люди – эти швейцарские банкиры!

Что, вы думаете, можно поместить в ячейку шириной двадцать восемь сантиметров, глубиной тридцать пять и высотой двадцать три? Я гадала об этом почти целый месяц!

Пачки денег, векселя, драгоценные металлы и камни, ювелирные украшения? Правоустанавливающие документы на имущество, деловую документацию, акции Газпрома и АО «МММ»? Свернутую в трубку картину Пикассо, ночную вазу династии Минь, антикварный складной табурет? Инженерные чертежи вечного двигателя, сам двигатель в разобранном виде?

Жизнь показала, что предыдущий владелец ячейки либо не обладал моей фантазией, либо не искал разнообразия.

В ящике помещались три одинаковых деревянных шкатулки – одна со старинными золотыми монетами, другая с украшениями, а в третьей я нашла предметы, не имеющие большой материальной ценности: брошку с камеей, потемневший деревянный гребень, невесомую цепочку из белокурых волос, костяной веер и серебряный крестик на шелковом шнурке.

Все это были недорогие дамские безделушки. Зачем и почему их так бережно – в сейфе солидного швейцарского банка! – хранил мужчина? Ответ я видела только один: это были драгоценные мелочи, напоминавшие Даниэлю о женщинах, которые в разное время отдали ему свою любовь и жизнь.

Я долго рассматривала эти вещицы, прикасалась к ним и прислушивалась к себе, пытаюсь ощутить какую-то связь с теми, кому они принадлежали раньше. Ничего не вышло: это не мои сокровища, ниточка оборвалась. Тогда я дополнила печальную коллекцию своей собственной реликвией – смешным и милым кожаным кошельком, подаренным мне Даниэлем вместе с банковским ключиком, и плотно закрыла шкатулку номер три. Хотелось думать, что в следующий раз я открою ее нескоро.

Содержимое двух других шкатулок не вызвало у меня священного трепета: деньги – это всего лишь деньги, даже если они имеют почтенный вид дублонов, луидоров и николаевских червонцев, а роскошные ювелирные украшения наиболее хороши под стеклом, на черном бархате музейной витрины.

Подумав, я положила в карман несколько разновеликих золотых кружочков и еще мило стиво спасла от прозябания в темноте сейфого хранилища одно жемчужное кольцо. Просто потому, что жемчуг без солнечного света теряет блеск, стареет и умирает, о чем Даниэль как мужчина мог просто не знать... Ну, и еще потому, что это ожерелье и идеально подходящие к нему серьги невероятно облагородили мой скромный внешний вид. Сначала я убедилась в этом, рассмотрев свое отражение в зеркальце пудреницы, а потом увидев выражение лиц банковских девочек. В тот момент они явно гораздо лучше, чем я, представляли себе стоимость фамильных жемчугов князей Радзивиллов!

Задерживаться в банке для полной описи содержимого ячейки я не собиралась, но без ритуального бокала шампанского в кабинете наиглавнейшего тамошнего финансиста все же не обошлось. Тогда-то я и узнала, что швейцарские банкиры тактичны, но любопытны.

Явно надеясь услышать какое-то объяснение, мсье директор упомянул о том, как удивило его мое появление: оказывается, до сих пор к ячейке номер 2856 наведывались только мужчины. Последним приходил приятный молодой человек, а за несколько лет до него – не менее приятный пожилой господин. Более ранних визитов к две тысячи пятьдесят шестой ячейке мсье директор не застал, они в разное время пришли на периоды службы его предшественников.

– К сожалению, мужская линия в нашем роду пресеклась, – с искренним сожалением ответила я. – И теперь я единственная представительница нашей фамилии.

– В таком юном возрасте остаться без мужской опеки – это весьма прискорбно! – посочувствовал мне мсье директор.

И тут же расцвел улыбкой:

– Но я уверен, такая прелестная мадемуазель не задержится с походом к алтарю!

– Разве что к жертвенному, – мрачно пробормотал мой внутренний голос.

Два брака убедили меня в том, что сохранять свободу современная женщина должна не менее ревностно, чем соблюдать личную гигиену, и всякие мысли о новом замужестве давила, как тараканов. А с прошлого года они и вовсе меня покинули... Мысли о замужестве, я имею в виду, потому что с тараканами в доме по-прежнему приходится регулярно бороться...

– Мы прибыли, мадам, – возвестил таксист, вернув меня из прошлого в настоящее.

Я выглянула в окошко и увидела справа от себя украшенное резным камнем здание Коммерческого Банка Лугано.

Надпись на тонированном стекле двери все так же сияла золотом, белый мрамор искрился, над крыльцом красиво развевался швейцарский флаг – для торжественной встречи не хватало только духового оркестра и цветов.

Я с приятнью вспомнила прошлогоднее пирожное и сглотнула слюну. Бог с ними, с фанфарами и букетами, но на десерт я рассчитывала, предусмотрительно предупредив дирекцию о своем визите.

Я расплатилась с водителем, отпустила такси и шагнула к дверям банка, и они с подкупающей готовностью разъехались передо мной.

Служащий, знакомый мне по прошлому визиту, бросился навстречу так, словно нетерпеливо ожидал нашей встречи весь год. Я благосклонно улыбнулась и позволила окружить меня традиционным гостеприимством. Пирожное показалось мне даже более вкусным, чем в прошлый раз – наверное, потому, что теперь я принимала и его, и другие знаки внимания без смущения.

На сей раз я не выглядела деревенской простушкой, но вовсе не потому, что была безупречно ухожена, причесана и одета – увы, нет. Шпильки для волос я растеряла еще на яхте, так что прическа у меня была незатейливая, в стиле хиппи, и вряд ли относительно недорогая бриллиантовая подвеска от Тиффани могла скомпенсировать помявшуюся в дороге футболку и джинсы от неизвестно кого. Просто теперь я была уверена в себе, а это ведь и есть наиглавнейшее условие, при котором можно претендовать на звание иконы стиля, будучи облаченной черт знает во что!

Люди внушаемы. Те, у кого еще не было возможности дать вам оценку на основании личного общения, для начала с готовностью принимают ту планку, которую ставите вы сами.

В юности я была катастрофически застенчива, и все мои внутренние барьеры сохранились, однако со временем я научилась летать выше них. Из-за этого иногда кто-нибудь (обычно обиженный мужчина) упрекает меня в высокомерии и заносчивости, но я предпочитаю другую формулировку: я просто знаю себе цену и никогда не опускаюсь до распродажи!

Шампанское в дирекции я на сей раз не пила, время дорого. Только проведала свою ячейку и взяла из шкапулки номер два пяток дублонов – знакомый антиквар в Лондоне обещал за них хорошие деньги.

Те монеты, которые я продала в прошлом году, позволили мне реализовать одну давнюю глупую мечту (это она висела теперь у меня на шее, нещадно слепя своими сверкающими гранями завидующие глаза банковским девочкам) и несколько более или менее серьезных проектов. Самый важный из них как раз вступил в решающую стадию, и я хотела иметь уверенность, что встречу час «икс» в полной финансовой боеготовности.

Очень довольная своей предусмотрительностью, я вышла из банка и тут же убедилась, что по части способности предвидеть сюжетные повороты моему человеческому разуму до высшего космического ого-го как далеко. Я-то сетовала, что мне не удалось еще в аэропорту избавиться от неудобных вечерних босоножек, а оказалось, что это и к лучшему!

Неустойчивый высокий каблук подвернулся на ступеньке, я вынужденно остановилась, посмотрела под ноги и только поэтому не наступила на котенка.

Он сидел на самой нижней из трех ступенек, маленький, взъерошенный, похожий на ватный комок, и был бы почти неразличим на фоне белого мрамора, если бы не его глаза – большие, круглые, как бирюзовые бусины.

Животное без хозяина – это само по себе нонсенс в цивилизованной стране, а тут еще такой прелестный!

– Кысенок! Ты откуда здесь взялся, такой славный головастик? – я присела и потянулась погладить очаровательное существо.

Зверек исподлобья поглядел на мою приближающуюся ладонь, прижал ушки и беззвучно открыл розовую треугольную пасть.

– Ну да, да, страшнее кошки зверя нет! – я совсем растрогалась и взяла храбрую кису на руки.

Он был почти невесомый, сплошной пух, и мои пальцы глубоко утонули в густой шерсти. Она была совершенно белой, но радужно заискрилась, едва я вышла из тени флага над крыльцом на ярко освещенную улицу. Я понюхала мягкую кошачью спинку и констатировала:

– Ты чистый, пахнешь шампунем! Значит, точно не бродячий. Тогда где же твой ошейник?

– Есть более важный вопрос – где его хозяин? – подсказал недовольный внутренний голос. Избегая даже мыслей о семейной жизни, я не планировала обзаводиться домочадцами, даже четвероногими. Хотя... Может, котенок – это именно то средство от одиночества, которое мне в моей новой сущности вполне подходит?

У Даниэля, я знала, в его последней жизни была собака, и он пошел на очередное превращение только после того, как она умерла. Кошки живут недолго, в среднем лет десять, а я не планирую обновляться так скоро, значит, мне не придется бросать четвероногого друга, он оставит меня раньше...

– Положим, это так. Но ведь необязательно усыновлять этого конкретного котенка? – раздосадованно молвил внутренний голос. – Сейчас он будет тебе мешать!

– Нисколько он мне не мешает! – возразила я вслух.

Весенний ветерок ерошил шерстку на кошачьей спинке. Неподвижный, как меховая оторочка на рукаве, котенок чинно сидел у меня на локте, не возился, не мяукал и вообще производил впечатление на редкость спокойного существа. Казалось, ему абсолютно все равно, потерялся он или нашелся.

– Ты как маленький Будда! – сказала я ему, оценив поразительное безразличие маленького зверька к поворотам судьбы.

И все-таки, откуда он взялся?

Я завертела головой, озираясь в поисках открытого окна или балкона, откуда этот невозмутимый комок пуха мог упасть на улицу, но увидела только распахнутую дверь, из которой буквально вывалился полуодетый мужчина с лицом, измазанным пеной.

Приволакивая ноги в спадающих тапках и на ходу застегивая непослушную пуговицу на поясе застиранных джинсов, он бежал ко мне с криком:

– Максик! Максик!

По дороге крикун потерял висевшее у него на шее полотенце, но даже не остановился.

– Это ты, что ли, Максик? – спросила я котенка. – А это, видимо, твой хозяин?

Зверек ничего мне не сказал, зато предполагаемый хозяин, едва приблизившись, взволнованно зарокотал глубоким баритоном по-итальянски. Я поняла только два слова из длинной эмоциональной тирады: «грацие» и «синьора».

В этой части Швейцарии язык Данте, считай, второй государственный, на нем говорит большинство населения Лугано, но лично я итальянского не знаю, поэтому ответила по-французски:

– Пожалуйста! А, собственно, за что вы меня благодарите?

При этом рука моя дернулась, явно намереваясь спрятать зверушку за спину. Отдавать чудесное создание недобритому типу в потертых джинсах на голое тело мне совершенно не хотелось!

Я считаю, что воспитание детей и домашних животных нельзя доверять кому попало. Полуголый тип впечатления человека серьезного не производил – уж слишком фигуристый и мускулистый, как каменный атлант на крыльчке банка.

Впрочем, французским он тоже владел.

– Я благодарю вас за спасение моего маленького друга! Гран мерси, мадам, если бы не вы – страшно представить, что могло бы случиться с малышом на улице!

– Не преувеличивайте, здесь не такое оживленное движение, – возразила я, поглядев на проезжую часть, по которой за последние две-три минуты не прокатился ни один автомобиль.

– Да много ли ему надо, такому маленькому? – мускулистый атлант неожиданно нежно подхватил котенка и пересадил его на свою рельефную грудь. – Да еще глухому!

– Бедняжка глухой? – я искренне огорчилась. – Как жаль!

– Абсолютно белые коты нередко бывают глухими, – авторитетно сообщил собеседник.

– Вижу, вы очень любите кошек.

– Я? Не сказал бы, – тот скривился. – Кошек обожает моя любимая девушка. Точнее, бывшая любимая! Сначала она притащила этого котенка и даже назвала его моим именем, а потом бросила нас обоих.

– Сочувствую, – я протянулась, чтобы погладить осиротевшего малыша, но вовремя спохватилась и отдернула руку.

Не приведи бог, брошенный парень подумает, что я хотела погладить его!

Образовалась неловкая пауза, и я заполнила ее мудрым рассуждением:

– Значит, вы тоже Макс?

– Максимилиан Торн, к вашим услугам! – он поклонился.

Надо признать, для недобритого и неодетого типа это был на редкость изящный поклон. Я засмеялась, и парень смутился:

– Ох, что же это я в таком виде... Простите!

Прикрывая голую грудь котенком (что по причине разительного несовпадения размеров получалось плохо), Максимилиан Торн попятился, перебежал на другую сторону улицы и уже с порога своего дома прокричал:

– Мы же еще встретимся, да? Я обязательно должен вас отблагодарить за Максика!

– Не стоит, – отмахнулась я.

Максимилиан Торн скрылся в подъезде, но очень скоро появился на увитом плющом балкончике, задрапированный не то в большое полотенце, не то в маленькую простыню:

– Могу я узнать ваше имя, мадам?

– Для того, чтобы регулярно поминать его в благодарственных молитвах? – мне стало весело. – Конечно. Меня зовут Анна!

– Мы еще увидимся, Анна! – атлант торжественно взмахнул крылом своей простынной тоги.

Я расхохоталась, прощально помахала комику ручкой и двинулась вдоль по улице.

Ушла я недалеко, потому что вскоре увидела весьма заманчивую витрину. Заходя в магазин, где за стеклом красовались манекены в прелестных плащиках из модной миланской коллекции, я оглянулась и с тайным удовлетворением убедилась, что благородный попечитель инвалидного кошачьего детеныша Максимилиан Торн по-прежнему смотрит мне вслед.

5

Серая ткань моего нового плаща на свету отливала розовым, по подолу и манжетам тянулись аккуратно вышитые узкие гирлянды мелких серебристых и лиловых цветочков – плащик был милый, женственный, элегантный и, безусловно, способный украсить пасмурный день. Я надела его сразу, заодно сменив злосчастные босоножки на комфортные балетки, а прочие свои покупки попросила доставить мне в отель. До него было не больше пяти кварталов, и я с удовольствием прогулялась по городу налегке.

День был ветреный и довольно прохладный – чай, не Ницца! Погода демонстрировала раздражающее непостоянство: то срывался мелкий дождик, то тучи вдруг разъезжались, как створки театрального занавеса, и пропускали вниз пучки соломенно-желтых солнечных лучей. Они веером падали на озерную гладь – точь-в-точь золотистый веник на лаковом паркете!

Я загодя забронировала номер в отеле на набережной, так что могла любоваться видом на озеро не только в режиме прогулки, но и из окна, а также с открытой террасы ресторана. Столик я также заказала заранее, а за час до назначенного времени специально спустилась в ресторан, чтобы определиться с конкретным местом.

Мне идеально подошел угловой столик у парапета: это было самое тихое и одновременно наиболее светлое место.

– Нас будет трое, я сяду здесь, слева от одного джентльмена и напротив другого, – проинформировала я официанта в зале.

– Боюсь, в глаза второго господина будет светить солнце, – заволновался он.

– Мы с солнцем оба ослепили его, – усмехнулась я.

Это была не совсем шутка.

В последний раз, когда Павел имел счастье лицезреть меня, я была вдвое старше. Мне не хотелось, чтобы контраст был таким разительным, я надеялась минимизировать неизбежный шок. Я бы даже предпочла провести нашу первую встречу ночью, в темноте гостиничного номера, если бы ждала одного только Павла! Однако за обедом к нам должен был присоединиться еще один человек – третий, но отнюдь не лишний. Собственно, именно ради того, чтобы послушать этого третьего, мы и собрались в Лугано.

Об этом третьем я знала совсем немного. Фактически только имя – Миша Платофф – и должность в агентстве «Пулитц и Партнер»: старший эксперт. На основании этой скудной информации воображение, которое у меня как у писателя всегда успевает впереди планеты всей, нарисовало мне портрет пожилого господина из наших «бывших» – эмигранта либо потомка эмигрантов второй-третьей волны.

Я никак не ожидала, что Миша Платофф окажется симпатичной стройной дамой лет тридцати, и это открытие отнюдь не привело меня в восторг. Особенно потому, что элегантный розовато-серый плащик мадам Миши был точной копией того, что я купила в бутике рядом с банком! Моя радость от удачного приобретения моментально потускнела. Боюсь, мое приветствие госпоже Платофф было не таким сердечным, как если бы оно было адресовано одноименному господину.

– Добри ден, сударыня! – Миша Платофф бойко поздоровалась со мной на ломаном русском и тут же перешла на гладкий французский. – Бон жур, мадам!

– Я думала, Миша Платофф – это мужское имя, – призналась я, жестом пригласив мадам присесть.

– О! Мама-француженка назвала меня Мишель, но мой русский папа мечтал о сыне, и так повелось, что я с самого детства Миша, – рассмеялась она. – Если вам это странно, называйте меня Мишель. Как вам удобно.

– Тогда Мишель, – выбрала я.

Мадам Платофф сбросила на руки предупредительному официанту свой (то есть наш!) плащик и заняла предложенное ей место за столиком.

– Мы ждем еще кого-то? – Мишель, разумеется, заметила третий прибор.

– Одного друга, – кивнула я. – Он в курсе дела, поэтому попрошу вас подождать с докладом. С обедом ждать не обязательно, мы можем сделать заказ.

– Отлично, я, признаться, проголодалась! – непосредственная мадам без церемоний углубилась в изучение меню.

Я последовала ее примеру и так увлеклась расшифровкой сложных кулинарных рецептов, что не заметила появления Павла, и поняла, что он уже с нами, лишь услышав протяжный возглас Мишель:

– О-о-о!

Я подняла глаза, увидела восторженное лицо мадам Платофф, обернулась – и тут же на раскрытую книжку меню передо мной плавно опустился большой букет незабудок.

– Ты еще красивее, чем я помню! – интимно прошептал мне на ухо знакомый голос.

Я поспешно спрятала лицо в незабудки.

– Прошу прощения, если бы я знал, что меня ждут сразу две прекрасные дамы, я бы не ограничился одним букетом! – это было сказано уже в полный голос и самым светским тоном.

Мадам Мишель польщенно улыбнулась. Павел обошел стол и занял свое место напротив меня.

В отличие от меня, он за минувший год не помолодел, но выглядел, как всегда, безупречно. В деловом костюме с галстуком я его прежде не видела и нашла, что Павел вполне мог бы позировать для обложки солидного бизнес-журнала.

– Здравствуй. Очень рада тебя видеть, – призналась я.

Элегантный, подтянутый, молодежавый мужчина молча и без улыбки всматривался в мое лицо. Я занервничала и шумно захлопнула меню. Расценив это как призыв, услужливый официант подскочил к нашему столику и принял букет у меня и заказ у Мишель и Павла. Я просто пробормотала: «Мне то же самое» и, дождавшись ухода официанта, повернулась к Мишель:

– Теперь мы можем поговорить.

– Да, конечно.

Кокетливая дамочка надела строгие очки, открыла пухлый портфель, достала папку с бумагами и сразу же превратилась в бесстрастного, но компетентного старшего эксперта агентства «Пулитц и Партнер».

Я с интересом ждала доклада. Мне не терпелось узнать, за что я заплатила неведомому господину Пулитцу с его хваленой командой весьма немалые деньги.

Агентство «Пулитц и Партнер» мне рекомендовали серьезные люди в дирекции банка: Пулитц со товарищи уже не один десяток лет без шума и пыли добывал для них конфиденциальную информацию о сомнительных клиентах. Я так поняла, что агентство фактически детективное, и в ходе коротких предварительных переговоров по телефону это мое предположение подтвердилось. Расценки в «Пулитц и Партнер» высокие, но при этом весь спектр услуг не афишировался, так что платежеспособный клиент мог рассчитывать на ювелирно выведенный индивидуальный подход.

Спасибо золотым дублонам Даниэля, я была вполне платежеспособна, и после согласования заказа и предоплаты в «Пулитц и Партнер» за мое весьма необычное дело взялись с энтузиазмом. Раз в квартал я получала промежуточную информацию о ходе расследования, и вот теперь мадам Миша Платофф как полномочный представитель агентства должна была дать мне полный отчет. Точнее говоря, не мне одной, а нам с Павлом, так как эту историю первым зацепил именно он, однако раскрутить ее сугубо журналистскими методами, без помощи профессионалов сыскного дела, никак не мог. Настоящим детективам – и тем пришлось здорово потрудиться, чтобы отработать запрошенный гонорар.

– Итак, вот что нам удалось выяснить, – Мишель открыла папку и вынула из нее несколько пластиковых файлов с бумагами. – Год назад на чердаке заброшенного и назначенного под снос здания мыловаренной фабрики в итальянском курортном местечке Портофино был обнаружен труп очень старой женщины, скончавшейся, по официальной версии следствия, от передозировки наркотика. Однако экспертиза останков, произведенная без ведома и участия представителей власти (мы использовали наши связи и ваши средства)...

– Да-да, я помню этот счет, – кивнула я и вытянула из врученного мне файла фотографию блаженно улыбающейся покойницы.

– Экспертиза показала, что причиной смерти женщины стала глубокая старость, – невозмутимо договорила Мишель. – При этом непосредственно перед смертью старая дама имела сексуальный контакт, который, очевидно, окончательно истощил ее силы, хотя для мужчины остался незавершенным.

– Если можно, без этих подробностей! – поморщившись, попросил Павел.

Я успокаивающе похлопала его по руке и кивнула мадам эксперту, побуждая ее продолжить.

– Изображение жертвы в молодости, полученное с помощью специальной компьютерной программы, позволило с достоверностью порядка восьмидесяти процентов опознать в умершей семнадцатилетнюю Анну Лацетти, об исчезновении которой уже было известно полиции провинции Эмилия Романо, где девушка проживала с родителями. Полиция установила, что Анна с группой друзей уехала на молодежный музыкальный фестиваль в Портофино, где и потерялась без следа.

– Надо же, тоже Анна! – пробормотал Павел и пристально посмотрел на меня.

– Очень распространенное имя, – я слегка поежилась. – Продолжайте, Мишель!

– Теперь взгляните на эти фото, – агентесса передала мне следующий файл.

Я внимательно рассмотрела несколько снимков, представляющих различные детали одной и той же картины, покачала головой и передала фотографии Павлу.

– Не верьте своим глазам. Этой бабушке по имени Ленка Ангелова было всего девятнадцать. Она скончалась в процессе сексуальной близости с неизвестным мужчиной в позапрошлом году. Это случилось в Болгарии, в курортном городке Бяла между Бургасом и Варной, все шокирующие детали и пояснения вы найдете в прилагаемых материалах, – это было сказано специально для Павла. – И, наконец, подборка номер три, хронологически предвещающая два вышеупомянутых случая.

Я взяла третий файл и передернулась, не справившись с эмоциями. Сквозь прозрачный пластик была хорошо видна фотография какой-то крайне неприятной местности – не то загородной свалки, не то сильно замусоренной лесополосы. Костлявое, морщинистое, усеянное пятнами уродливое тело невероятно древней старухи раскинулось на подгнившей листве под лысым кустом. На пергаментном лице, больше похожем на голый череп, пламенели густо напояженные губы, растянутые в клоунской улыбке.

– Какой ужас!

– Ужас, – хладнокровно согласилась Мишель и забрала у меня файл, чтобы передать его Павлу. – Но, если верить специалистам по компьютерному моделированию, перед нами, опять-таки, не старая ведьма, а восемнадцатилетняя студентка Эстер Ван Бирен из Голландии. Она принимала участие в слете христианской молодежи в курортном городке Схевенингем и отстала от своей группы во время вечерней прогулки по берегу моря.

– Разве это возможно? – Павел растерянно смотрел на меня. – Три случая с интервалом всего лишь в год?

– Так ведь маньякам свойственно проявлять активность в определенные периоды, – со знанием дела заметила Мишель.

– Не знаю, – я ответила Павлу. – Арифметика пасует.

– Я не понимаю, – Мишель перевела вопросительный взгляд с меня на Павла. – Какая арифметика? Если вы говорите о денежных суммах, то вся наша бухгалтерия подробно представлена...

– Мы говорим не о деньгах, – перебил ее Павел, продолжая смотреть на меня.

– Прости, но я знаю об этом очень мало! – я почувствовала, что сердито краснею, а на глаза навернулись слезы.

Может, я уже не совсем человек, но и не монстр!

– Это ты прости, – Павел смягчился. – Просто я-то знаю об этом еще меньше!

Я кивнула. У меня тоже цифры не сходились. Уж слишком часто происходили убийства!

Сколько лет было сексуальному партнеру первой девушки, Эстер Ван Бирен? Уж наверняка никак не больше семидесяти, иначе он был бы неважным любовником. Семьдесят минус восемнадцать – пятьдесят два. Значит, со смертью девушки ее партнер должен был помолодеть примерно на полвека. И ему стало двадцать.

А год спустя, убив на болгарском курорте вторую девочку, девятнадцатилетнюю Ленку Ангелову, он стал моложе... на год? А еще годом позже, отняв жизнь у семнадцатилетней Анны Лацетти, он сделался семнадцатилетним?

– Похоже, мы ищем не старика, а юношу! – я озвучила результаты своих размышлений.

– И если он будет продолжать в таком темпе, то скоро выйдет за нижнюю границу половой зрелости! – зло съязвил Павел.

– Так вот, насчет продолжения! – Мишель оживилась, явно обрадовавшись возможности продолжить свой доклад. – Мы попытались спрогнозировать время и место следующего преступления этого маньяка. Со временем более или менее понятно – можно предположить, что это вновь будет двадцатое марта, как в каждом из трех известных нам случаев. А вот место...

– Наверняка опять Европа, – сказала я. – И, вероятно, не Голландия, не Болгария и не Италия, уже отмеченные типичными смертями. Убийца не станет рисковать, повторяясь.

– Вероятно, страна будет другая, – кивнула Мишель. – А город – небольшой, провинциальный, обязательно курортный. И непременно такой, где в это время года собирается много молодежи – на концерты, слеты, фестивали и тому подобные мероприятия.

– Представляю, сколько таких мероприятий приходится на эту дату! – Павел присвистнул.

– Не так уж много, всего шесть в разных странах, – Мишель ободряюще улыбнулась.

– И не так уж мало, – я огорчилась.

Охватить своим вниманием полдюжины европейских курортов разом – на это я при всем желании не способна!

– Минуточку!

Павел вдруг встрепенулся, вытряхнул листы из файлов и зашелестел бумажками, торопливо просматривая их. Мы с мадам экспертшей выжидательно и заинтересованно смотрели на него. Я чувствовала, что назревает некое важное открытие, и внимательно следила за каждым движением Павла.

Ах, как же я люблю умных мужчин!

– Я идиот! – противоестественно горделиво заявил мой любимый умный мужчина, шлепнув себя по лбу бумажной пачкой. – Тупица! Как же я сразу не понял? А еще специалист!

– В какой области? – заинтересовалась Мишель.

– Он журналист, – объяснила я – и промахнулась.

– Я же физик и а-стро-ном! – Павел покрутил головой, продолжая показательно изумляться своей временной тупости. – Поразительно, как я не догадался?

– О чем?! – не выдержав, в два голоса рявкнули мы с Мишель.

Павел развернул редким веером три бумажки и последовательно потыкал в них пальцем:

– Двадцатое марта! Двадцатое марта! Двадцатое марта!

– Ну да, двадцатое марта! Мы о том и говорили, – озадаченно повторила Мишель. – Двадцатое марта – и что?

– А то, что более ранние случаи вы не нашли потому, что не там искали! Они должны были происходить не двадцатого, а двадцать первого марта!

– Почему? – я по-прежнему ничего не понимала.

– Потому что равноденствие! – торжественно объявил Павел и откинулся на стуле, явно ожидая аплодисментов.

Мы с Мишель переглянулись и снова уставились на Павла. Он вздохнул и объяснил:

– Я с детства привык, что весеннее равноденствие случается двадцать первого марта, и поэтому не сразу понял, почему в последние три года убийства происходили двадцатого. Но в две тысячи восьмом – а это ведь как раз тот год, когда погибла голландская девушка Эстер, – дата равноденствия сдвинулась на один день, и до две тысячи двадцатого года включительно весеннее равноденствие будет происходить двадцатого марта.

– Вы понимаете, что это значит?!

В возбуждении я схватила Мишель за руку, и она поморщилась, но показала, что прекрасно соображает и под давлением:

– Это значит, что имеет смысл повторить поиск случаев, подобных нашим трем, изменив один из ключевых параметров. Проверить, не было ли таких смертей в более ранние годы, чем две тысячи восьмой, но не двадцатого, а двадцать первого марта!

– Вы их найдете, я уверен! – Павел холодно улыбнулся.

– Если вы их найдете, мы сможем уменьшить список стран, в которых убийца еще не отмечился! – подхватила я. – И, возможно, тогда нам все-таки удастся вычислить роковое место этого года!

– Сегодня уже семнадцатое, – Мишель зачем-то посмотрела на наручные часы и решительно встала, уронив с колен на пол так и не развернутую салфетку.

Материализовавшийся из воздуха официант поймал ее раньше, чем она коснулась пола.

– Прошу меня извинить, времени мало, я должна срочно связаться с коллегами!

Мадам Платофф нас оставила. Мы с Павлом остались за столиком вдвоем.

– Чему это ты улыбаешься? – хмуро спросил он.

– Как хорошо иметь дело с умным человеком! Потрясающая догадка – про равноденствие! – я посмотрела на Павла с восхищением.

– Простая и гениальная, – польщенный, благосклонно согласился он.

Равноденствие – это, действительно, очень многое объясняло.

6

Весеннее равноденствие – особый день. Светлое и темное время суток становятся равны, а затем уже день постепенно прибывает. Весеннее равноденствие – это начало астрономической весны и астрологического Нового года.

С незапамятных времен многие народы мира отмечали день весеннего равноденствия как радостный праздник пробуждения природы. Языческие торжества по поводу прихода весны были наполнены важным сакральным смыслом победы света над тьмой, возрождения и обновления жизни.

Многие народы и сейчас сохраняют день весеннего равноденствия как календарный праздник. В странах Ближнего Востока, Средней Азии, в Азербайджане, Башкортостане и Татарстане в этот день встречают Новый год – Новруз.

В Японии всю неделю, на середину которой приходится день весеннего равноденствия, отмечают Хиган – праздник с неизмеримо долгой историей. Буддийское понятие «хиган» можно перевести как «тот берег», или же «тот мир, куда ушли наши предки и где поселились их души». Японцы полагают, что в равноденствие тот мир максимально приближен к нашему...

В Мексике день весеннего равноденствия и сейчас празднуют тысячи местных жителей и туристов. По традиции, многочисленные паломники съезжаются к пирамидам Солнца и Луны, поднимаются вверх по многометровым лестницам и, раскинув руки, греются в лучах весеннего солнца. А в это время у подножья пирамид актеры исполняют ритуальные танцы, которые свыше полутора тысяч лет назад имели обрядовый смысл и сопровождались жертвоприношениями.

В Древней Греции март, месяц пробуждения медведей от зимней спячки, был посвящен Артемиде – дочери богини Лето, сестре Аполлона, которую изображали с ланью и медведем. В честь Артемиды в Аттике жрицы богини исполняли священные пляски в медвежьих шкурах и приносили медведя в жертву. Ежегодный медвежий праздник по солнечным фазам совпадал с весенним равноденствием и символизировал пробуждение природы.

В Западной Европе еще две тысячи лет назад 21–22 марта отмечали День Госпожи и чествовали Остару – богиню весны и плодородия. Древние кельты и германцы считали этот день началом земледельческого сезона. Возвращение Остары из подземного царства встречали маленькими пшеничными булочками и крашеными яйцами, которые являлись символами новой жизни. Богатые традиции древних весенних фестивалей без труда угадываются и в современных пасхальных ритуалах.

Христианство адаптировало и по-своему интерпретировало немало языческих таинств, и праздник равноденствия в том числе: отсчитайте-ка назад от 24 декабря – католического Рождества Христова – девять месяцев, чтобы узнать день зачатия Иисуса, что получится? Все то же, 20–23 марта – весеннее равноденствие!

Да и древняя славянская Масленица до того, как ее сдвинул со своего календарного срока христианский Великий пост, приходилась также на весеннее равноденствие! Образ Масленицы, которую обычно представляли в образе женоподобной фигуры из соломы, соединял в себе зиму и весну, смертоносное начало и животворящее: сжигая куклу, люди прощались со старой жизнью и вступали в новую.

– Да, очень похоже, – признала я. – Тот, кого мы ищем, приносит человеческую жертву, чтобы возродиться заново.

– Вот почему он делает это каждый год – для него это календарный праздник! – Павел так резко задернул штору, что едва не оборвал ее с карниза.

– День Алого Ангела – поистине, красный день календаря! – прошептала я очень тихо, чтобы Павел не услышал.

Много лет назад Алый Ангел убил его родную сестру, и с тех пор Павла не оставляет жажда мести. Настоящий кровник – мой покойный друг Даниэль – от него ускользнул, но оказалось, что есть и другой... Точнее, другие.

Я ощутила холодок на спине. Раньше Павел меня любил, а теперь?

Он обернулся. Я встала с кресла, в которое устало опустилась, едва мы вошли в номер.

– Правильно! – одобрил мой внутренний голос. – Если этот дикий сербский горец вздумает тебя убивать, то лучше умереть стоя, чем жить на коленях!

– Это сказала испанская коммунистка Долорес Ибаррури, – пробормотала я, узнав цитату.

– Что? – Павел шагнул ближе и положил руки мне на плечи.

Я не шевельнулась, когда твердая горячая ладонь легла на мое открытое горло. Помедлив немного, рука скользнула выше и подняла мой подбородок. Наши взгляды встретились.

– Итак, для него это праздник, а для тебя? – шепотом спросил Павел.

Мое сердце гулко бухнуло и замерло. Я так надеялась, что он не заметит перемену во мне или хотя бы не сразу поймет, какова ее причина! Идиотка.

Он все понял правильно. Отпираться не имело смысла, и я сказала правду:

– А для меня это была большая неожиданность.

Если бы после этого признания мой бывший любовник свернул мне шею, я бы не удивилась. Но любовь – воистину удивительное явление! Никогда не знаешь, умерла она вовсе или только уснула до весны...

– Бедная моя, – сочувственно вздохнул Павел и зарылся лицом в мои волосы.

Сердце неуверенно стукнуло раз, другой – и забилось в нормальном ритме. Павел подхватил меня на руки.

Бывший любовник – это не приговор. С некоторых пор я точно знаю, что грань между прошлым и настоящим бывает зыбкой и проницаемой. И если не уходить уж слишком далеко и надолго, то возвращение в былое никому не причинит большого вреда. Главное – не задерживаться и, тем более, не оставаться там, где нам уже не место.

– Тебе хорошо? – на всякий случай спросила я Павла примерно через полчаса.

– Да. Я не умер?

Я засмеялась и уткнулась лицом в подушку, чтобы скрыть слезы. Он мог шутить – значит, с этим мы справились. Постель, как всегда, оказалась наилучшим местом для устранения разногласий.

Мне кажется, в большинстве своем люди недооценивают значение сексуальных отношений. Это ведь гораздо больше, чем развлечение и удовольствие!

Как филолог я вижу здесь проблему терминологии: похоже, не существует такого слова, которым можно было бы назвать то, что происходит между мужчиной и женщиной в постели, не опускаясь до пошлости. Либо омерзительная площадная брань – либо почти столь же отталкивающие медицинские термины, которые сводят все к чистой физиологии. Мы как будто отделили тело от души и механически разграничили сферы их влияния: ему – секс, ей – любовь.

Да, любовь в нашем обществе – одно из базовых понятий. Мы привыкаем им оперировать с детских лет – выпрашивая разрешение съесть конфету вместо котлеты, объясняя желание взять с собой в кроватку облезлого плюшевого медведя, упрашивая родителей завести щеночка, отвечая на бестактный взрослый вопрос: «Кого ты больше любишь – маму или папу?» Подрастая, мы учимся любить Родину, Бога (как вариант – Партию и Вождя), искусство, природу, человеческий гений и братьев по разуму. И за многообразием видов духовной любви постепенно теряется основная, главная, воистину первоначальная – телесная. Та, которая между мужчиной и женщиной, и никак иначе.

А ведь она существует – и еще как! Вдохновляет поэтов, художников и музыкантов, мотивирует ученых, политиков и бизнесменов. Юные видят ее во сне, а зрелые ради нее от сна

отказываются. Но говорить об этом не принято, и в общем ряду одноименных чувств телесная любовь рассматривается как низменная, грубая, животная.

При всем уважении к любовям возвышенно-бесплотным хочу заметить, что только примитивный вариант А способствует продолжению человеческого рода! Лишь это древнее волшебство подчиняет себе могучую силу, о существовании которой я уже точно знаю, а современная наука подозревает, но объяснить ничего не может и маскирует свою беспомощность рассуждениями о феромонах, флюидах, магнетизме, энергетическом обмене, химической формуле любви и тому подобных премудростях.

Скажу так, как понимаю: секс – это ключ к могуществу, более великому, чем власть королей и президентов. Но пользоваться им мы не умеем! Никто не умеет. Бессмертные древние даосы и ветхозаветные персонажи, жившие по тысячам лет, вероятно, были-таки в курсе дела, но до нас их знания дошли в несущественных обрывках. Однако наше огорчительное невежество не отменило существования Силы, и порой кто-то нащупывает путь... Нашупывает – но и только.

Я уверена: даже мы – те, кто благодаря подсказке, по наитию или случайно приоткрыл завесу тайны, используем Силу неправильно. Даосские старцы в своих трудах утверждали специальные сексуальные практики как верный способ продления жизни и сохранения молодости! Впрочем, мои партнеры, слава всем богам и их разноцветным ангелам, в подавляющем большинстве тоже остаются живехоньки и даже не жалуется на самочувствие. Обычный, не ангельский, просто человеческий секс при хорошем исполнении никому не вредит.

Павел нежно провел ладонью по моей спине и мягко подтолкнул, побуждая повернуться. Я вынула лицо из увлажнившейся подушки, повернулась и обняла мужчину, обладающего, помимо прочих достоинств, редким даром – великодушием. Понять без объяснений и простить без оговорок – это умеют немногие.

– Когда-нибудь... Не сейчас, потом... Ты расскажешь мне, как это было? Я имею в виду, когда это случилось с тобой.

– Я могу рассказать тебе прямо сейчас, – я со вздохом положила голову ему на грудь и повозилась, устраиваясь поудобнее. – Как ни странно, это очень просто...

Сказав так, я замолчала, потому что вдруг поняла, что говорю неправду.

Это было и очень просто, и крайне сложно. Точнее сказать, невероятно странно, непривычно – и в то же время совершенно естественно, как... Ну, как будто до этого я всю жизнь дышала благодаря аквалангу, по привычке не испытывая никакого неудобства и даже не подозревая, что может быть иначе, и вдруг вынырнула из давящей глубины и вдохнула свежий воздух полной грудью! И дышать нормально оказалось очень легко и незабываемо просто.

Хотя уж если продолжать аналогию, то я не сама вынырнула – меня вытолкнули. Сама я не нашла бы этот путь вверх, меня провел Даниэль. Вот в чем была главная сложность: в крайне маловероятной возможности сделать это без посторонней помощи, без всякой подсказки. Я чувствовала – потенциально магия Силы доступна всем, и знала – она навсегда останется с каждым, кто поймет принцип и прочувствует механизм ее действия.

Вот, например, в детстве и юности мне часто снилось, что я летаю, но не так, как это делают птицы, самолеты, воздушные змеи или надувные шары. Ничего подобного! Я взлетала усилием воли и напряжением какого-то неведомого органа, тянула себя вверх, преодолевая земное притяжение, и это был не очень простой, но настолько естественный и правильный процесс, что я не раз пыталась повторить его наяву.

Я вставала на нагретый солнцем большой камень на мелкой воде у безлюдного морского берега, расправляла плечи, вытягивалась в струнку, закрывала глаза и пыталась поймать то самое настроение-самочувствие-ощущение, за которым во сне неизменно следовал полет. Иногда на один миг мне казалось, что на этот раз я смогла, что каменная твердь уже уходит из-под ног – на волосок, на миллиметр, на самую малость...

Но уже в следующую секунду звенящую ликованием тишину в ушах сменяли насмешливые крики чаек, размеренное стрекотание цикад и отрешенный плеск воды, а камень, который так никуда и не девался, обжигал мне пятки.

И все же, все же: я верила, что могу это сделать! И, кажется, до сих пор верю. Нет – теперь уже точно верю!

– А конкретнее? – Павел все еще ждал и жаждал объяснений.

– Конкретнее...

Я вернулась в реальность. Волшебство испарилось, в сухом остатке осталось невнятное:

– Основное ощущение – если превращение началось, то остановиться невозможно. Все остальное неважно, ничто не имеет значения, тебя несет в стремительном потоке, и это такой драйв! Или кайф? Не подберу правильного слова.

– Ну, вот! А еще писательница! – Павел тихонько щелкнула меня по носу.

Я облегченно вздохнула:

– Как здорово, что ты можешь шутить!

– Чувство юмора – то, что отличает нас от животных.

Это было сказано с комической важностью.

– Не только чувство юмора. Вообще чувства! – поправила я.

– И у меня они есть, – шепнул он, обнимая меня крепче.

Чем еще хорош качественный человеческий секс – он позволяет хоть на время отключить разум, который тоже отличает нас от животных, но зачастую очень мешает наслаждаться жизнью.

7

Максимилиан Торн был парнем неглупым. Глупый не сумел бы построить прибыльный бизнес без всякого начального капитала, на одной лишь мужской привлекательности. Правда, помимо внешности, у Макса за широкими плечами были три года обучения в Сорбонне – потом мамочкины деньги кончились, и с мечтой о карьере специалиста по художественным переводам пришлось расстаться.

С полгода Макс болтался в богемной тусовке, ночуя то у одного приятеля, то у другого, перебиваясь эпизодическими заработками с модных показов и фотосессий. Потом он встретил свою первую «кормилицу», как цинично называл всех этих женщин про себя.

Ее звали Эмили, она была супругой директора художественной галереи и большой ценительницей античного искусства. Великолепного Макса она уже в день знакомства окрестила Аполлоном, а после первой же ночи добавила к этому лестному прозвищу собственническое местоимение «мой». Ее Аполлоном Максимилиан был больше года, пока накопления с денежных подарков не позволили ему сменить гардероб, квартиру и окружение.

Кормилицу Жозефину он подцепил в дорогом магазине обуви. Кокетливая супруга совладельца крупной юридической фирмы делала оптовую закупку туфелек к весеннему сезону, и в этом ответственном процессе ей необходима была экспертная мужская оценка. Вечно занятой супруг-юрист, как обычно, от похода за покупками уклонился, и Максимилиан Торн, с одного взгляда оценивший ситуацию сквозь стеклянную витрину, галантно взял на себя сначала одну, а затем и все остальные функции мужа.

Многомесячная связь с неверной женой преуспевающего юриста позволило Максиму наконец вылезти из долгов и открыть накопительный счет в банке.

Через полгода, оставив Жозефину рыдать над подаренным ей на прощанье роскошным портретом в стиле «ню», Максимилиан на все лето укатил в Сен-Тропе, откуда вернулся с кормилицей Натали. Потом были кормилицы София, Дайана, Розина и кто-то еще...

К своему тридцатилетию Макс понял, что почетная роль переходящего приза его утомила. Пора было закрепить спонсорские отношения законным браком. Максимилиан Торн сделал ставку на Ангелину Веймар – в свои пятьдесят четыре та была еще недурна и при этом богата и свободна.

На то, чтобы склонить Ангелину к замужеству, Макс потратил два года, бездну обаяния и моток нервов такой толщины, что хватило бы для установления телефонной связи с Луной.

Ангелина была избалованной, капризной, упрямой и своенравной, к тому же у нее имелась прескверная привычка садиться за руль подшофе. Все бы ничего, Макс был на диво терпелив и великодушен, но езда в пьяном виде увела его дорогую невесту мимо алтаря напрямик в царство Божие.

Новую невесту Максимилиан искал целый год. Дама ему нужна была одинокая, свободная от семейных уз и хорошо обеспеченная. Приятель Тео, соблазнившись обещанным вознаграждением, присмотрел подходящую особу в своем банке. Макс не поленился приехать на смотрины и понял, что – есть! Бинго! Наконец-то ему повезло.

Девчонка не была деловой – Тео ошибся словом. Она была деятельной, энергичной и при этом чувствительной. Трюк с котенком, подсмотренный Максом в каком-то фильме (только там была собачка), опять сработал, знакомство состоялось, и ближе к вечеру следовало его закрепить.

В целом разделяя теорию кристаллизации любви, выдвинутую в свое время французским писателем Стендалем, Максимилиан Торн опытным путем установил, что в двадцать первом веке период закрепления нежного чувства сократился с трех дней до нескольких часов. С уче-

том заметно облегчившихся нравов, вторую встречу с потенциальной подругой имело смысл провести в режиме комплексного мероприятия «ужин-романтическая прогулка-постель».

С того момента, как Анна помахала ему ручкой с порога Коммерческого Банка Луганно, Макс не упускал ее из виду. Девушка надолго застряла в магазине, но он терпеливо дождался ее выхода и мысленно поаплодировал удачной покупке: у милой дамы хороший вкус. И деньги у нее, по всей видимости, тоже хорошие – Макс знал, какие суммы красуются на ценниках в витринах луганских бутиков.

Хотя она и без денег была бы привлекательна...

Макс поймал себя на этой крамольной мысли, когда незаметно следовал за девушкой в обманчиво скромном сером плащике по улице, ведущей к набережной. В этой юной особе было нечто такое, на что стопроцентная мужская сущность Макса реагировала, как гвоздь на магнит. Хотя она не красавица, вовсе нет!

В закулисы модельного бизнеса, на грандиозных богемных пьянках и чопорных светских вечеринках Максимилиан Торн повидал красоток всех мастей и типов. Анна не была похожа ни на одну из них. Просто другая – и все тут, объяснить невозможно.

Впервые за много лет Максиму был интересен не только успех, но и сам процесс его достижения.

По набережной, почти до полудня затененной близкой горой, девушка без спешки проследовала до отеля «Спленид» и уверенно вошла в вестибюль. Макс выждал с четверть часа и тоже вошел. Смазливая пухленькая брюнетка за стойкой ресепшена, едва взглянув на него, зарделась. Макс понял, что эта крепость пала, не дожидаясь осады. Все нужные ему сведения он запросто выудил у брюнетки в режиме легкого флирта.

Девушку в сером плаще звали Анна Ливанова. Она остановилась одна в двухместном люксе с видом на озеро. Номер был заказан на двое суток и оплачен заранее. Гостья прибыла без багажа, но предупредила о предстоящей доставке покупок из модного магазина одежды. Проходя к лифту, она взяла со стойки иллюстрированный путеводитель и уже на ходу его развернула. На этом основании Макс предположил, что в отеле любознательная туристка надолго не задержится, отправится изучать окрестности сразу после того, как немного отдохнет и, возможно, переоденется.

Курьер с грудой коробок для новой постоялицы прибыл через несколько минут, Макс разминулся с ним в стеклянной вертушке входной двери. Можно было ожидать, что через полчаса-час девушка выйдет из отеля. Чтобы не упустить ее, Макс прогуливался по набережной вблизи «Спленида».

Погода продолжала удивлять и капризничать, но по променаду прохаживались и другие стойкие любители свежего альпийского воздуха. На ярко окрашенных лавочках под старыми липами там и сям сидели пожилые господа с газетами – им пришлось быстро свернуть их, когда полил дождь.

Чертыхаясь и проклиная небесную канцелярию, поставившую под удар его стройный план, Макс заскочил в ближайший сувенирный магазинчик, купил первый попавшийся зонт и уже с ним вернулся на набережную. Приобретение оказалось неудачным: темно-синий снаружи, изнутри зонт был ярко-красным, что на фоне общей серости дождливого дня превратило Макса в весьма приметное цветное пятно. К тому же маскироваться под беспечного туриста в отсутствие настоящих представителей этого беспокойного племени стало гораздо сложнее. Да и присесть уже негде, так как скамейки под липами, на ветвях которых едва появились почки, моментально намокли, и красные доски заблестели корабельным лаком.

Опустив предательский зонт пониже, едва ли не себе на голову, будто гигантскую грибовидную шляпу, раздосадованный Максимилиан Торн вполне убедительно изображал из себя чокнутого любителя исторических монументов, раз за разом обходя по кругу памятник знаменитому лучнику Вильгельму Теллю. Национальный герой Швейцарии со стрелой в возде-

той руке неподвижно возвышался над кружащим вокруг него придурком, как будто терпеливо выжидая момент, чтобы метнуть в него дротик. Максу стало неудобно.

И наконец, когда он уже почти решил, что в такую собачью погоду девчонка никуда не пойдет, серо-розовый плащик отважно выплыл из тихой гавани теплого и светлого гостиничного вестибюля и заскользил, раздуваемый ветром, по серой глади мокрой набережной.

Большой зонт с логотипом отеля надежно укрывал изящную женскую фигуру от дождя. Изрядно подмокший Макс упрямо выдвинул подбородок, поглубже утопил его в витках отсыревшего шерстяного шарфа и зашлепал по лужам вслед за девушкой, стараясь и не отставать, и не слишком приближаться. Момент для «случайной встречи», по его мнению, еще не настал, так как Анна явно куда-то спешила.

Свернув с набережной на оживленную улицу, она едва не оставила Макса с носом, взяв такси. Ему пришлось чуть ли не штурмом брать следующую машину.

Десять минут спустя стало ясно, что целеустремленная девица направляется на железнодорожный вокзал. Там она купила билет в автомате и встала на перроне, нетерпеливо поглядывая на часы. Узнать, в каком направлении едет порывистая непоседа, Макс смог только через десять минут: подошел поезд на Цюрих, и Анна поспешила в вагон. Заметив это, Макс метнулся к автомату за билетом. Оставлять начатое на полпути было не в его правилах.

Как настоящий мужчина Максимилиан Торн не мог позволить глупой женщине убежать от своего счастья.

8

Телефон зазвонил чертовски не вовремя!

Мы с Павлом замерли, как картинка из Кама-Сутры, но телефон все не умолкал, так что многообещающий сюжет пришлось поломать.

– Извини! – вздохнула я, освобождая руки для поиска телефона.

Он наярывал «Имперский марш» из «Звездных войн» – позывной, установленный у меня на звонки из категории деловых.

– Если это снова Санчо, я его уволю! – пробормотала я, торопливо хлопывая прикроватную тумбочку.

Санчо – это мой помощник, единственный сотрудник в офисе, который я держу в родном городе. Он красавец-мужчина – тут главное слово «красавец». Сексуальная ориентация Санчо позволяет ему с успехом служить мне подругой, а женщины, знали, частенько ревнуют подружек не меньше, чем дружков. В порыве чистосердечного любопытства и искренней доброжелательности Санчо уже не раз портил мне личную жизнь неурочными звонками.

Однако на сей раз это был не Санчо. Звонила Миша Платофф из «Пулитц и Партнер».

– Добрый вечер, мадам Анна, прошу прощения, если звоню слишком поздно...

Я машинально посмотрела на часы: всего восемь вечера! Скорее, это мы с Павлом начали слишком рано.

– Нет, все в порядке, – ответила я и повысила голос, чтобы заглушить саркастический мужской смешок. – Слушаю вас, Мишель!

– Я из Цюриха, мадам, мне пришлось вернуться в офис, так как здесь я могу действовать более результативно.

– Понимаю.

– Я уже поставила задачу своим коллегам с учетом новых вводных и думаю, что в самом скором времени у нас будут результаты. Я свяжусь с вами завтра.

Я насторожилась, поскольку ничто из сказанного Мишель не объясняло неотложной необходимости тревожить меня звонком уже сегодня. К тому же в деловитом речитативе мадам Платофф сквозили откровенно тревожные нотки.

– Что-то случилось, Мишель?

– Я, право, не знаю...

Мадам Платофф замялась.

– Не хочу показаться вам неврастеничкой, но у меня есть подозрение, что за мной был хвост.

– За Мишель следили, – быстро объяснила я Павлу, не тая изумления. – Как? Кто?

Наше расследование было глубоко приватным и на всех этапах велось в строжайшей тайне.

– Молодой мужчина спортивного телосложения, лицо я не смогла разглядеть, потому что он прятался под зонтом, – чувствовалась, что Мишель смущена своей неудачей. – Он увязался за мной от вашего отеля и по всем правилам наружного наблюдения вел меня, пока я не взяла такси. Но и тогда он меня не потерял, продолжив преследование на другой машине.

– Как интересно, – озадаченно пробормотала я.

Павел, заинтересованно сопя, прижался своей щекой к моей, чтобы тоже слышать рассказ мадам Платофф.

– Уже на вокзале я вновь заметила его, вернее, сначала увидела приметный зонт – снаружи черный, изнутри красный, как плащ Бэтмена, – Мишель нервно хмыкнула. – Этот человек проследил, в какой поезд я села, тоже взял билет и успел занять место в другом вагоне! И

вот сейчас я смотрю в окно, а он сидит в кафе на другой стороне улицы, прикрываясь журналом! Мадам, что вы об этом думаете? У вас нет предположений, кто бы это мог быть?

Павел открыл рот, явно намереваясь что-то сказать, но это могло испортить мою репутацию, и я не позволила ему проявиться, заговорила сама:

– Мишель, я не знаю! У меня нет никаких версий! Но, думаю, в вашем агентстве имеются специальные люди для прояснения подобных ситуаций?

– Да, конечно. Но услуги их не дешевы!

– Это не проблема, – заверила я. – Просто включите соответствующие расходы в общий счет.

– Тогда действительно нет проблем, мы займемся и этим, – голос в трубке сделался заметно бодрее. – Всего хорошего, мадам! Доброй вам ночи!

Я дала отбой, побарабанила пальцами по тумбочке и с укором посмотрела на Павла:

– Ты дышал слишком громко! Мишель наверняка поняла, что я не одна!

– Она же не знает, что мы в постели!

– Нетрудно догадаться, – я вернула телефон на место. – Я так долго не брала трубку!

– Вот, кстати!

– Нет, погоди, сделаем паузу!

Я выбралась из-под одеяла и проскользнула между шторами к подоконнику.

Вечерний вид из окна стоил даже больше, чем я за него заплатила! Просторное спокойное озеро, пирамидальные горы, открытое небо – днем картина была выдержана в умиротворяющей сине-зеленой гамме, но на закате цвета магически изменились. Неожиданно волнующе и тревожно повсюду разлились прозрачные акварельные тона красного, и мирный пейзаж преобразился.

И вспомнилось вдруг мне, опять же, не мое, не из моей жизни – восьмисотлетней давности кровопролитная битва гибеллинов и гвельфов под Лугано. Очень давняя история, о которой я ничего не знаю, разве что помню несколько строк:

Когда, рукою Гвидо разбужен,
Я поднялся, в долинах уж стемнело,
На западе багровый небосклон
Пылал пожаром. Озеро горело
В полугоре, как в золотом огне,
И обратился к другу я несмело:
«В какой, скажи, о Гвидо, мы стране?»

– Мы в Швейцарии, – с готовностью отозвался на прозвучавший вопрос Павел. – И, надеюсь, ты еще помнишь мое имя. А кто такой этот Гвидо?

– Один славный парень из гвельфов, – я высунулась между портьер, как в просвет театрального занавеса. – Он с приятелем во время войны с гибеллинами в этих самых местах повстречал ужасного дракона. Так гласит итальянская история двенадцатого века, рассказанная в стихах на русском языке Алексеем Константиновичем Толстым в одна тысяча восемьсот семьдесят пятом году.

– Все-таки настоящая писательница! – с преувеличенным восхищением воскликнул Павел, и мне пришлось вернуться в постель, чтобы поколотить его за насмешку.

То есть таково было мое первоначальное намерение, однако оно быстро изменилось, о чем я нисколько не пожалела.

Телефон больше не оживал, и о драконах, кровавых войнах и таинственном незнакомце под черно-красным зонтом мы с Павлом до утра не вспоминали.

Максимилиан Торн понял свою ошибку, когда как следует разглядел женщину, за которой следил на протяжении нескольких часов, преодолев двести с лишним километров от Лугано до Цюриха и выпив пару литров пива в баре с хорошим видом на окна агентства «Пулитц и Партнер». Женщина вышла из здания в той же одежде, включая приметный плащ, но без капюшона и зонта, закрывавших лицо, и Макс с сожалением и разочарованием убедился: это вовсе не Анна!

Как настоящий мужчина Макс обладал бойцовским характером и умел держать удар. Прошептав несколько не самых джентльменских выражений в удаляющуюся спину, он расплатился за пиво и прямо из бара отправился на вокзал, откуда первым же поездом отбыл в Лугано.

Утром следующего дня, за ночь отдохнув и освежив в голове старый план, Максимилиан Торн легкой поступью победителя вошел в просторный вестибюль отеля «Сплендид» и в ходе лирического трепа с очередной мягкотелой дежурной на ресепшене узнал, что мадам Анна Ливанова уже выехала из отеля. Установить, куда она отправилась, Макс не удалось, и он с большой неохотой вынужден был отказаться от мысли сделать госпожу Ливанову мадам Торн.

Тем не менее роль Максимилиана Торна этим не исчерпана.

9

Сразу после раннего завтрака мы с Павлом прогулялись по набережной и в отсутствие толп туристов осмотрели местную достопримечательность – памятник Вильгельму Теллю.

Известная легенда об искусном лучнике Телле относится к тринадцатому веку, когда австрийский король, стремясь присоединить Швейцарию к своим владениям, поставил во главе этой страны жестоких и жадных наместников.

Один из них – по имени Геслер – постоянно унижал местное население. Как-то он повесил на шесте в центре городской площади свою шляпу и приказал всем проходящим мимо низко кланяться его головному убору. Молодой крестьянин Вильгельм Телль, известный как отличный стрелок, отказался подчиниться приказу, и в наказание Геслер велел ему стрелять в яблоко, поставленное на голову четырехлетнего мальчика – сына лучника.

Вильгельм Телль сбил яблоко с макушки сына одной стрелой и признался, что в случае неудачи второй стрелой поразил бы жестокое сердце наместника. За эту угрозу стрелка тут же отправили в тюрьму на другом берегу озера, но по дороге разыгралась страшная буря, и Телль сам взялся за кормило. Он причалил в другом месте, скрылся в горах, вскоре подстерег Геслера на дороге между скалами и все-таки поразил его стрелой. Этот выстрел стал сигналом к народному восстанию. Спустя несколько лет вольные горцы разбили войска оккупантов и навсегда изгнали австрийцев из Швейцарии.

Долгое время Вильгельм Телль считался историческим лицом, но сейчас подлинность легенды оспаривается – уж очень она похожа на сказания других народов.

Так, древние германцы еще в шестом веке пели о лучнике Эйгиле, который по требованию шведского короля Нидунга Завистливого сбил стрелой яблоко, положенное на голову его трехлетнего сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.